

МНЕНИЯ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ «ИЗВЕСТИЙ»

ВЗГЛЯД ХУДОЖНИКА

Давайте обсуждать иное

В эти дни вновь определяются пути, по которым пойдет дальнейшее развитие страны. Поэтому так важна актуальность вечных вопросов: кто мы такие, что с нами происходит?

18 июня «Известия» отметили десятилетие со дня выхода знаменитого в свое время сборника статей «Иное не дано», откуда гостившую страну его авторов. Сегодня мы представляем слово авторам другого сборника, полемически названного «Иное».

Судьба этих двух изданий весьма показательна: первое стало бестселлером и разошлось в сотни тысяч экземпляров, тираж второго, всего 3000 экземпляров, не разошелся до сих пор. Отчасти это различие, безусловно, может быть объяснено самым простым образом: имена «прорывов перестройки», чьи статьи вошли в «Иное не дано», были настолько у всех на слуху, что прямо-таки гарантировали читательский ажиотаж; люди же, составившие третью часть «Иное», в основном были известными лишь в сравнительно узком кругу. Но есть, кроме этого, гораздо более глубокие и грустные причины неуспеха «Иного».

Мы с вами — давайте уж не будем притягивать за слово «общество» — представляли тогда в восторженном ожидании. На наших глазах распадалась советская система, которую никто из нас не надеялся пережить, и мы не сомневались: как только власть КПСС уйдет в прошлое, вся наша жизнь изменится до основания. Мы, не отдавая себе в этом отчете, рассуждали примерно так: что наша пропаганда врет о нашей жизни — факт; следовательно, все, что она талочит о «не нашей» жизни, надо понимать строго наоборот. Частная собственность, рыночные отношения, демократия — все эти понятия казались нам едва ли не волшебными. Мы верили: достаточно заменить ими обреченные плановое хозяйство и нерыночное единство партии и народа — и «все будет хорошо». Именно об этом мы читали у «прорывов перестройки» (хотя, вероятно, кое у кого из них можно бы-

ло прочесть и более содержательные вещи), а ничего ИНОГО и слышать не хотели. Зачем? И так все ясно.

Потому-то и не нашлось широкой аудитории для людей, которые понимали, что от простой замены советской лексики на антисоветскую меняется очень мало. Что при слове «гигантской системы», определявшей мельчайшие подробности жизни нескольких поколений, подлежат обсуждению не только пороки этой системы и даже не только истинные или воображаемые достоинства других систем, но и существенные характеристики «новой исторической общности» — советского народа». Что тысячелетняя история России не началась с чистого листа ни в семнадцатом году, ни при распаде СССР.

Сегодня особенно ясно видно, как дороговато обошлось обществу готовность довериться базальтернативной (никогда не дано!) азбуке, навешанной уверенностью в том, что все одинаково помянуто, где черное, а где белое, и стало быть, без малейшего с нашей

стороны труда «сделать нам красивую вещь», а ничего ИНОГО и слышать не хотели. Зачем? И так все ясно.

Давайте же теперь попробуем понять, что с нами произошло в эти годы и что происходит сейчас. Речь не идет об отказе от принципиальных позиций, но давайте расширим круг рассматриваемых идей, иначе мы рискуем выбраться за пределы той одной, то другой азбуки. И для начала давайте послушаем авторов «Иного». Они очень разные, и это прекрасно: ни один из них не скажет нам опять, что иного не дано.

Вместо дела игра слов За болтовню придется платить

Глеб ПАВЛОВСКИЙ

Ошеломительный позор этих дней, много из слов, которыми кто-то из близких, имеет для них и втайне освобождающий смысл: слова «все это кончится, и наконец-то свобода».

Проблема в системной «глупости» российского экспертного сознания, вписанного в отношения, которые оно обсуждало, не в виде. Сегодня эксперт жает телепрограммы, кадровые назначения, заказного убийства или иной роковой подсказки.

Как и когда это началось? Когда в начале 1980-х годов издательство «Прогресс» предложило поучаствовать в сборнике «Иного не дано», на что я имел право по тогдашней принадлежности к «переловым публицистам». Я отказался. Тогда я не понял, что мне повезло не впасть в ловушку собственной лени. Уже в следующем, 1989 г. я печатно назвал «иного не дано» лозунгом вернувшихся — «жри что даешь».

Поведение элит и масс, а также отдельные субъекты после гибели СССР принято считать хаотичным, тогда как общими ход как-то исторически прозрачным. Но поведение политических игроков становится предсказуемым и ожидаемым (хотя не обязательно управляемым) при выделении предпосылки о полном несоответствии общих представлений о реальности — самой реальности. Особенность краха СССР состояла в молниеносном сокращении позитивного, богатого вариантами процесса в зауряд-

ный обвал. Это не позволило нам — участникам происходящего — выработать реалистичские ориентации, и законсервировало исключительную, более нигде в посткоммунистическом блоке не встречающуюся роль СМИ как «внешнего идеолога».

Если у нас нет среды с предсказуемым поведением, нет указателей и различных ролей, мы вынуждены цепляться за образы, мифы, смысловые полноты. А откуда их взять, если только не из СМИ? Десять лет шло усложнение жизни при несмысленном осуждении ее логикой. Что главное в нашей трагедии? Опыт. Но именно опыт не признается как можно признать то, что ни разу, ни единого разу не обсуждали? Кто из «профессиональных экономистов» столь смеет, чтобы просто описать сегодняшнюю реальную экономику? Нас хоронят за апокалипсис, то инвентаризируют, а действуют всегда наугад.

Неудачное (но вынужденное непрерывно болтать) сознание еще в конце 80-х ухватилось за предложенную СМИ игру в слова, как за поводья в темном мире. Игра была в том, чтобы, выкапывая те или иные вещи, заставить себя и других в их реальном существовании. С несмысленной быстротой стала появляться омонимия, скрывающая под собой сущности непонятно и неясно.

Главным омонимом, конечно, стала «Россия» — ту не стали восстанавливать на обломках СССР, а просто «выкинули», и в чем? В советской республике РСФСР. Вы-

кликнув, мы ее обрели: как бы обрели, уже не добивались строить.

Еще предстоит разобраться с этой несмысленной игрой русского языка: «приватизация» вместо частной собственности, «процесс реформ» вместо реального института рынка — спор экономический философский. Еще предстоит решить: что такое свобода, демократия, права. Названия и они, выходя из моды, пополняют сорную кучу ненужных слов — «либерализм», «монетаризм», «либерализм», «семей цивилизованных наций».

Что значит сегодня слова «процесс реформ», «приватизация», «капитализация»? Все равно что древним «остатки императорской семьи» — как именуют распространяющуюся в России Николая Романова. В России ведут дискуссии, пользуясь словами, за которыми давно уже не стоит реальность. Зато молчат о том, чем действительно обременены и чего втайне боятся. Не видна разве причинно-следственная связь бездумия с беззастенчивостью? Власть мало или понимания, на что и как ее применять?

Результатом стала все углубляющаяся варваризация. Жуткий пример — то, что вышло из «либерализации» судебной системы РФ, которая свелась к неспособности для системы усложнению процедур. Из этого противоречия система вышла просто — превратилась в судейскую тюрьму в роли «ямы», куда гражданская стелкается, чтобы с ним не возиться. Выжившие — ложившиеся под суд, где, возможно, получили свою законную долю правового строя.

Автор — политолог.

Сергей КУРГИЯН

Говорили, что «иного не дано». А оно пришло и сказано: «Привет! Я твоё иное». А мы ему: «А почему ты такое толсто?» А оно нам: «Я не толсто, я полное». Это популярный анекдот после нынешнего финансового Чернобыля.

Это лето я провел в глухой российской деревне. Главная ценность старой русской избы, где я занимаюсь политической философией и стратегической аналитикой, — отсутствие телевизора и телефона. Исключение — приемник, который приходится слушать дважды в день. Еще одна ценность — контраст миров. Осмысление встреч Франклина Рузвельта и Жана Моне касательно закупок самолетов для французской армии в 1939 году лучше проводит в не офисе с компьютерами, а под ночной лай собак и стрекотание цикад. И еще одна ценность — встречи. О них я и рассказываю.

Однажды я с дочерью отправился за молоком в соседнюю деревню к русской беженке из Киргизии. Любезная, интеллигентная женщина, учительница музыки, муж — инженер Завела коров, коз, овец. Любознательно работает день и ночь. Я боюсь заходить в сельский дом, несущий на его отпечаток этого страха, насилия, жестокости, закрывающего интеллигентных людей.

День был жаркий. Безумные прозябанья — к холоду, говорят. И к крови. Сказать холода не знаю, не ощущаю. А насчет крови... Увы, приметя прогнозы в аналитических прогнозах яды.

Мой список спорит на тему «Чего у нас нет?». И в этих разговорах ошутима вера в обратимость любого процесса. Россия — это политический омоним, с помощью которого мы сами разрешили себе постоянно путаться в вопросе, есть у нас государство или же его нет. С некоторой пор Россия перешла на «наружное мышление». Вопрос в том, способна ли она еще регенерировать внутренний интеллект — в любой форме. Или СМИ навсегда останутся ее внешним мозгом, а виртуальная жизнь явист ответственным отношением к реальности.

Автор — политолог.

Власть не должна быть товаром

Татьяна ВОРОХЕЙКИНА

Глубинной причиной происходящих в настоящий момент событий в России является системный кризис олигархической модели, в основе которой — полное слияние, зачастую на личном уровне, экономической и политической власти. Результатом приватизации собственности в такой системе стала «химическая» экономика, основанная на перераспределении ренты, получаемой от эксплуатации природных ресурсов, в пользу крупнейших олигархических групп.

Одновременно с приватизацией собственности произошла приватизация и коммерциализация государственной власти. Государственные функции на всех уровнях — от федерального до местного — превратились в товар, причем наиболее ликвидный, наиболее прибыльный рынок. Государство утратило способность выполнять социальную поддержку, обеспечивая общественную безопасность.

Государственные институты потеряли доверие и граждан, и общества в целом.

Нынешний кризис продемонстрировал экономическую и политическую истощенность олигархической модели. Сохранять в течение трех лет стабильность национальной валюты в условиях, когда три четверти промышленности не только не имели никаких стимулов для своего развития, но и систематически душились налогами, можно было бы только за счет внешних заимствований и ренты, получаемой от продажи сырья. Роль дестонатора, спускового крючка, в этом кризисе сыграли внутренние причины политического характера. Огромная концентрация формальных властных полномочий в руках президента стала важнейшим фактором слабости и неэффективности исполнительной власти. Конституционное устройство не оставляет места для иных центров силы, которые могли бы корректировать экономические и политические решения исполнительной власти.

Исчерпаны внутренние источники финансирования этой модели. В стране, где продолжается экономический спад, собираемость налогов невозможно увеличить, даже если поставить на вооружение налоговой полиции танки и вертолеты. Государство, которое коррумпировано сверху и снизу и не в состоянии обеспечить своим гражданам социальную и правовую защиту, в принципе не может рассчитывать на устойчивые налоговые поступления.

Кризис олигархической системы предоставляет России уникальную, хотя и довольно слабую, шанс выйти на иной путь, попытаться разредить власть и собственность, изменить непреложную пока что в истории России закономерность, согласно которой все импульсы развития идут «сверху», от государства к обществу. Для этого требуется проведение глубокой реформы государства, формирование власти, пользующейся максимальным доверием граждан и общества в целом.

Первым шагом на этом пу-

ти должна стать конституционная реформа. Без рассредоточения власти на федеральном уровне, без серьезного перераспределения полномочий между президентом и парламентом, без независимых и действующих Конституционных и Верховных судов невозможно создать сколько-нибудь эффективную государственную власть, хотя бы минимально застрахованную от ошибок и провалов единоличного управления.

Даже если удастся перераспределить полномочия между законодательной, исполнительной и судебной властью на федеральном уровне, гораздо менее вероятно, что удастся поколебать монополию на власть региональных руководителей. В таком случае внешние конституционные центры реальной власти сместятся с федерального на региональный уровень и не перестанут быть фактически фактором слабости государства. Единственной политической силой, выступающей за немедленное начало конституционной реформы, является КПРФ, для которой

Автор — политолог.

Из хаоса с оптимизмом

Вячеслав ГЛАЗЫЧЕВ

Рыцкое российское сообщество обычным своим манером бездумно скользяло по силовым линиям стихий, легко принимая необратимые решения, так что искать козлов отпущения — дело глуповатое. Прогнозирование — тем более дело неблагоприятное, однако в нынешний несмелый момент нашей истории разумно рассмотреть неизбежные, скорее всего, следствия уже состоявшихся поступков.

Отталкиваясь от фактов, предостаточно данных нам в ощущениях и частично в понимании, попробуем протянуть цепочку событий, отсчитывая от 17 августа, день за которым мы в настоящее время находимся. Альтернативой демократической реформе государства является уже не олигархия, как 7 лет назад, а диктатура, которая в российских условиях будет неизбежно воспроизводить все тот же порочный круг единства власти и собственности.

Итак, коль скоро никакое активное реформирование без золотого валютного ресурса в 200—300 миллиардов долларов немислимо, остается тактика реакции на события, обрушивающиеся на голову властей с неотвратимостью осеннего дождя. Не имея возможности ни обеспечить бюджетников, ни сохранить субсидии для регионов-банкротов, московские власти предоставляют провинции выживать как сумели.

Главным становится обеспечение функционирования «трубы», и потому Москва, подобно Константинополью XIV столетия, забросившему откуп венечникам, заботится о сырьевых колониях: Якутия, Тюменская область, Красноярский край, Ставрополье. Прочие «севера» на время забыты, однако базы Тихоокеанского и Северного флотов удерживаются из-за всех сил. Всем сатрапам, через земли которых проходит «труба» с востока к Москве и далее на запад, а также южная железная дорога, выплачиваются транзитные пошлины. Кавказ и Нижнее Поволжье предоставлены сами себе. Тверские, волгоградские и прочие земли могут вполне заниматься привычным собирательским трудом, кормясь от леса. Воору-

женные силы, компактные, мобильные и профессиональные, охраняют коммуникации и жизненно важные центры, включая базы стратегических ракет и ПВО, тогда как региональные формируют собственные милиции и части для охраны границ.

Закрепляется сращивание различных форм хозяйствования, и если в одних регионах карточная система и реквизиции, то в других удерживается частная собственность в сфере снабжения и услуг, а в третьих сосуществуют обе схемы.

За исключением систем жизнеобеспечения, удерживаемых в кулаке мобилизационной экономики, прочим промышленным предприятиям предоставлена свобода жить или умирать — как сумеют. Элита сминаясь раз в пять, безжалостно отбрасывая всех «лишних», вынужденная быть пассивной, что в Отечестве нашем именуют жребий, ограничиваясь жалкими протестами.

Несмотря на остроту проблемы импорта продовольствия, медикаментов и оборудования, власть наконец признает, что образование и культура — единственный возобновляемый ресурс страны, и осуществляет действительно реформирование в этой области. У Москвы и Петербурга остается гипотетическая возможность превратиться в относительно дешевые и в высшей степени конкурентоспособные университетские центры глобального масштаба.

Это вполне реально, так как, столкнувшись с гигантской проблемой понимания структуры знания и природы умений, традиционные образовательные системы Запада с их узкопредметной специализацией очевидным образом пасуют перед сложностью и притягивают в песок. Для того чтобы решить такую задачу, властям придется предоставить «лишним кавартам» существенную автономию.

Первые реальные результаты можно ожидать лет через семь, то есть к 2010 году, когда кризис великого глобального противостояния Север — Юг и внутренние проблемы США, Европы, Японии и Китая неминусом опрокинут модель Рак Америки (мир по-американски). Если к тому же учесть

повсеместный кризис демократии (отказ от права участия в выборах — лишь внешний симптом), ослабление муниципального начала и тотальную бюрократизацию общества, то ясно: у нас есть шанс обрести сегодняшний неведомый в строительный импульс затронутого дня.

Цивилизационный кризис, о котором справедливо писали неглубокие люди четверть века назад, вовсе ведь не отменен, но только приторможен в момент, когда долгий период существования двухсотлетнего мира — США versus СССР — окончился. Трудно вообразить, чтобы национальные государства пережили отметку 2010 года. Так что мир земель-регионов, сцепленных глобальной информационно-сетью и космополитическим хозяйственным «нашим», — куда как реальная перспектива. Конечно же, в этом мире еще сохранятся островки вроде Японии, нававшей долгий путь вниз, или Австралии, но уже у США такая возможность минимальна, ибо доктрина «глобального котла» не выдерживает напора этносоциальных центристских сил.

Несмотря на иллюзорные успехи исламистов, их напор выдохнется через несколько лет, поскольку не поддержав массивом культуры, способной адаптироваться к новому. К счастью, предстоит долго учиться с результатами перемены экологии при распаде традиционной этики. В такой перспективе трагический очередной пережиток России утрачивает половину остроты, переходя от драмы к драме, и собирая земель в пространстве единственной реальности русского языка и русской культуры выступает как историческая неизбежность сравнительно близкого будущего.

Представляется, что, только извивавшись от тысячелетней привычки жить по вековечным государственным канонам, российский конформист окажется в состоянии достроить наконечник существования многоступенчатой кооперации местных и региональных сообществ. Отсюда и до идеи гражданского общества — один шаг длиною в поколение.

Автор — профессор Московского архитектурного института.

Невозможного нет, есть только трудное

Теодор ШАНИН

«Иное всегда дано» — в 1988 году именно этими словами я отреагировал на название наумовой тогда книги на конференции русских историков. В то время это прозвучало пессимистически, как альтернатива неограниченной самоуверенности тогдашних реформаторов, которым все казалось очевидным, неотвратимым «прогресс» будто поджидая за ближайшим углом, и вопрос исчерпывался превращением социалистической «пятилетки в три года» в капиталистическую. Я хочу повторить эти слова снова, но теперь они прозвучат оптимистически: ответ на любимый пессимизм, которым окутано сегодняшнее российское общество. Базис того пессимизма понятен, она во все углубляющееся неуверенности в том, что какие бы слова ни говорились, в действительности что было, то и будет, иного не дано, будущее предопределяется этноизмом и шизмизмом всех и вся, и это неизменно. Меняется лишь на-

чалство, и все, что остается, — это выжить и постараться ухватить побольше для себя.

Думаю, что сегодня более результативной будет постановка вопроса об условиях, необходимых для создания России, в которой люди живут достойно, не стыдясь за свою страну. Для улучшения общества надо не придумывать что-то, а создавать условия.

Во-первых — это преодоление веры в то, что иного не дано. Корни невозможности изменений заложены во всеобщей уверенности в невозможности этих изменений. Альтернативность, возможность «иного» начинается с восстановления веры в то, что иное дано всегда, причем к доказательству обратного следует относиться, как к постановке вопроса в известной шутке о полупустом — полуполном стакане. Потенциал изменений к лучшему очевиден, как есть и люди, готовые к ним, но начинается это не с «человека-ресурса» или же метафизики «русской души», а с принятия достоянного количества россиян постулата: невозможного нет, есть только

трудное. Действовать не только ради собственной выгоды, богатства, власти, и в России и вне ее, так же нормально, как и в любой другой стране.

Этому надо учиться. Учиться только на словах перед лицом ежедневных примеров низости и бессилия невозможно, но можно добиться этого посредством практики «малых дел», которые результативны и совершаются не только ради личной выгоды, а являются делом жизни. Реалистический оптимизм воли постигается делом.

Во-вторых — «иное» создается мыслью — смежей, оригинальностью, беспрестанно создавая новые идеи. Такое мышление стимулируется реальностью и ограниченной демократией, где свободно думают, говорят и спорят о главном, и это не контролируется министрами, олигархами и бюрократами. Реальная демократия — не досужая мысль, а питомник новых идей, а с ними и новых людей, обновляющих общество. Это особенно важно сказать сегодня, когда многие в России затосковали по «сильной руке»,

по продлении семисот лет монголо-византийско-советской деспотии вселенского города Глупова, в котором общество целено, а изменения осуществлялись только революционными рыцарями и давались большой кровью.

В-третьих — вопрос заимствования нового у Запада. Здесь стрелка мнений резко металась от «все у них прекрасно, а у нас ужасно» в поздние 80-е снова к «нам нечему у них учиться, мы сами с усами».

Истерика, шатание меж крайностей всегда непродушено, а вопрос следует ставить не «или — или», а чему и чему не надо учиться. Чему не надо учиться — это таким «западным» догмам, как монетаризм, идея «конца истории» или консюмеризм (потребительство), где проблемы производства и производства якобы исчезают перед всемирным рынком. Необходимо учиться, в чем Россия опережала, — особым, западноевропейским, методом активизации оригинального мышления. Учиться надо интерактивному университетским систем, способствующих развитию именно

независимому мышлению, а не механизму усвоения фактов. Учиться надо возможности и открытости муниципалитетов и власти снизу. Учиться силе, многогранности и общественным достижениям не государственных или частных, а неправительственных общественных организаций (НКО), независимо создающихся и развивающихся многих из того, что делается Западной Европой местом, где легче дышится и живется.

И особенно важно понять из этого опыта неправительственных организаций в том, что в структуре государственности за рубежом только две возможности: слабое государство и независимые граждане или же бесправные граждане в условиях диктатуры, осознавая идею организации страны, руководящей которой осуществляется открыто и честно, кончиками пальцев, а не кулаком.

Автор — ректор Московской Школы социальных и экономических наук.

Для обратной связи — телефон ведущего рубрики «Мнения» Николая АНДРЕЕВА: (095) 299-87-98. Факс: 299-88-94.